

Александр Лейфер

РАССКАЗЫ О КНИЖНОМ ЗНАКЕ

Домашняя библиотека

Экслибрисы (книжные знаки) бывают, как известно, трех видов: штемпели, ярлыки и сюжетные. Штемпели знакомы всем — они, например, простав-

ляются на книгах каждой общественной библиотеки. Это самый несложный книжный знак. Сложнее ярлык, он набирается типографским способом, а потом наклеивается на книги. Обычно на ярлыке печатается название библиотеки (если она общественная) или фамилия ее владельца (если частная). При печатании ярлыков применяются несложные полиграфические украшения — линейки, рамки, виньетки, специально рисовать которые не нужно, они есть в наборных кассах типографий.

Самым же интересным видом экслибриса является, конечно, сюжетный. Настоящий подобный знак — это уже произведение искусства. Он выполняется художником-графиком в той или иной технике — цинкография, гравюра — на дереве, линолеуме или пластике, офорт и др. Как и ярлык, он тоже наклеивается в левом верхнем углу форзаца книги, но уже не просто сообщает название библиотеки или фамилию ее владельца, а средствами изобразительного искусства рассказывает о содержании библиотеки или какого-либо ее раздела, профессии ее владельца, его книжных пристрастиях, месте жительства и т. д. Сюжетов экслибриса великое множе-

ство. Бывают знаки, посвященные каким-либо датам или лицам, знаки шуточные, детские, пейзажные, изображающие архитектурные памятники — всего не перечислить...

Первый в Сибири сюжетный книжный знак выполнен в 1907 году художником В. Бобровым для библиофила и коллекционера Г. В. Юдина. В центре изображен Царь-колокол, а на его фоне — собор Василия Блаженного. Это, видимо, символизировало любовь владельца книжного собрания к отечественной старине. Слева, в круге, — портрет самого Г. В. Юдина, справа, в таком же круге, — здание его библиотеки. Под всем этим надпись: «Домашняя библиотека Г. В. Юдина». Выполнен знак цинкографическим способом, его размеры 49×72 мм.

О Геннадии Васильевиче Юдине (1840—1912 гг.) и его знаменитой библиотеке много писалось. Сообщим самое важное.

Он — наш земляк — родился в Екатериновке под Тарой. Потом семья жила в Симбирской и Киевской губерниях, затем вернулась в Сибирь. В молодости Юдин разбогател, дважды крупно выиграв, — в лотерею, а затем по займу. Он вложил деньги в выгодные дела, а сам отдался главной страсти своей жизни — Книге. Основался в Красноярске. К началу нашего века его книжное собрание насчитывало примерно 80—100 тысяч томов. Только библиотека Томского университета была крупнее юдинской за Уралом. Это было ценнейшее собрание. Книги русские и иностранные о России вообще и о Сибири, в частности. Огромная коллекция периодических изданий. Много книжных редкостей, например, ра-

дищевское «Путешествие из Петербурга в Москву»...

Но судьба библиотеки, на книгах которой был наклеен первый сибирский сюжетный экслибрис, печальна: для России она оказалась утраченной. В конце жизни, когда здоровье и материальные дела Юдина пошатнулись, он решил продать библиотеку. Причем продать целиком, в одни руки. Но безуспешно искал он покупателя в России, тщетно обращался в различные государственные учреждения. Сам Николай II наложил на одном из его прошений резолюцию: «Из-за недостатка средств — отклонить». И средства нашлись... за океаном — у библиотеки американского Конгресса. Юдин продал свое собрание за 100 тысяч. А деловые люди, американцы, тотчас же подсчитали, что его стоимость в шесть раз превышает эту сумму. Но ведь давно известно: есть вещи, вообще не имеющие цены...

Рукой великого художника

Всему миру известно имя нашего земляка, омича по рождению, — замечательного художника Михаила Александровича Врубеля. Но, может быть, не каждый знает, что автор «Демона» и «Сирени» работал и в жанре «малой графики» — внес свой вклад в развитие отечественного экслибриса.

Обращение М. Врубеля к этому жанру не случайно. Конец XIX — начало XX века считается временем расцвета русского книжного знака. К нему обращаются такие известные мастера, как В. Васнецов, А. Остроумова-Лебедева, А. Бенуа, Е. Лансере, К. Сомов, М. Добужинский, Б. Кустодиев и другие художники (в основном — это члены объединения «Мир искусства»).

М. Врубель создал два экслибриса. Первый — сюжетный — выполнен для И. С. Остроухова в 1902 году. Первоначально он был размножен цинкографически, а потом, в 1920 году, — гравирован известным мастером И. Павловым. На экслибрисе изображен бог солнца и искусства Аполлон, который поражает солнечными лучами ночь, что символизирует победу светлых сил над темными. Символику подкрепляет латинское изречение «Flat lux» — «Да будет свет!». Надпись «Из книг И. С. Остроухова», расположенная в нижней части зна-

ка, выполнена в шрифтовом отношении весьма изобретательно.

Второй экслибрис работы М. Врубеля — чисто шрифтовой. Он сделан в 1904 году для некоего Николая Петровича Сырейщикова. Это рисунок тушью, воспроизведенный цинкографическим способом. Экслибрис прост, даже скромен, но изящен. В нем, как и в предыдущем знаке, знаменитый художник проявил себя и талантливым шрифтовиком.

К сожалению, пока не удалось узнать, кем именно был владелец второго врубелевского экслибриса. Авторитетный знаток книжного знака — москвич, бывший председатель секции графики и экслибриса ВОК покой-

**БИБЛИОТЕКА
НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА
СЫРЕЙЩИКОВА.**

ный С. А. Вуль, к которому автор данных заметок в свое время обращался за консультацией, сообщил: про Сырейщикова известно лишь то, что он собирал книги по истории и искусству.

А вот об Илье Семеновиче Остроухове (1858—1929 гг.) можно рассказать немало. Этот человек оставил заметный след в истории нашей культуры.

Систематического художественного образования в юности он не получил, природный талант живописца проявился уже в зрелые годы. Наставниками Остроухова были блестящие художники и педагоги — И. Репин, П. Чистяков, В. Поленов.

Он писал пейзажи — среднюю полосу России. И писал так, что Репин сказал однажды: Остроухов «всякой своей картиной делал эпоху в пейзаже и вызывал целую школу подражателей». П. М. Третьяков, купив для своей галереи остроуховскую картину «Сиверко» (1890 г.), считал ее лучшим пейзажем в своем собрании.

Долгие годы Остроухов был душой художественной жизни Москвы. Член Товарищества передвижных выставок, после смерти Третьякова — руководитель его галереи, действительный член Академии художеств, он всего себя отдавал русской культуре — символика экслибриса выбрана Врубелем не случайно.

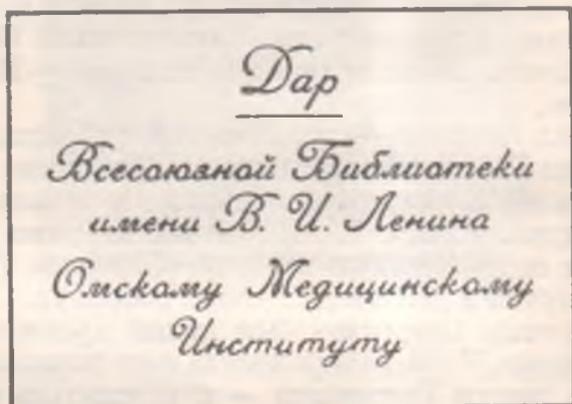
Остроухов был и одним из крупнейших коллекционеров своего времени. Собирал картины, предметы прикладного искусства, иконы. Кстати, именно в его собрании первоначально находилась картина нашего гениального земляка «Сирень». В 1918 году большевистская власть «национализировала» коллекцию, но в отличие от многих других случаев не разбазарила ее, а поступила разумно: на ее основе был создан Музей иконописи и живописи им. И. С. Остроухова, в котором сам Илья Семенович до конца жизни работал хранителем. Потом собранные им сокровища влились в Государственную Третьяковскую галерею.

Вот о каком человеке напоминает экслибрис работы Михаила Врубеля.

Конечно же, сейчас эти книжные знаки — огромная редкость. Но один из них (Сырейщикова) есть в фондах Омского исторического музея, находится он в коллекции экслибрисов ученого, поэта и собирателя П. Л. Драверта. Коллекции, кстати сказать, замечательной и потому требующей особого разговора.

Помощь Москвы

До сих пор на многих старых книгах Омского медицинского института можно увидеть внешне скромный ярлык со словами: «Дар Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина. Омскому медицинскому институту». За этим — целая история, полная драматизма и благородства одновременно.

Лето 1924 года. И месяца не прошло с того памятного июньского дня, когда первый (а тогда и единственный) медицинский вуз Сибири произвел свой первый выпуск: 41 студент получил звание врача. Первая победа! Но организованный в 1921 году институт жил пока еще очень трудно, по сути дела он только-только вставал на ноги. Писатель Георгий Вяткин так говорил об этом времени: «Приходилось экономить на каждом гвозде, на каждой пробирке и колбочке. Профессора и преподаватели получали гроши, студенты жили впроголодь. Тем не менее, институт рос и развивался».

Библиотека молодого вуза была сформирована по принципу «с мира по нитке». В нее вошли книги Омского общества врачей, медицинская литература из Пушкинской библиотеки, книги Омской центральной фельдшерской школы. Учебников, конечно же, не хватало, студентам приходилось заниматься по очереди, устраивать коллективные читки.

И без того было нелегко, а тут еще несчастье (продолжим цитировать статью Г. Вяткина): «И вдруг, в июле прошлого года — катастрофа, пожар. В течение чуть не полусуток бушевало пламя. Опасались, что все

погибнет. Но студенты — не белоручки: они с боем от-
стаивали вместе с пожарными каждую пядь института
и отстояли — сгорела только 1/8 часть. На другой же
день широким потоком полились пожертвования. Инсти-
тут был спасен».

Институтская библиотека пострадала сильно: сгоре-
ла значительная ее часть. И одним из жертвований
были книги из главной библиотеки страны. Первый том
Сибирской Советской Энциклопедии сохранил для исто-
рии цифру: из Москвы поступило тогда 2500 томов.

«Родственники»

Перед нами два экслибриса, и не просто экслибрисы-
родственники.

Первый принадлежал нашему известному земляку —
уже упоминавшемуся здесь ученому и поэту Петру Лю-
довиковичу Драверту. Давайте рассмотрим этот книжный
знак, и он многое напомнит нам о своем хозяине. На
фоне куска руды (а, может быть, осколка метеорита)
изображены — геологический молоток, рукописный сви-
ток и книги. Латинское изречение, присутствующее тут
же, гласит: «Сочиняй и работай молотком». Ведь и в
самом деле, Драверт всю жизнь трудился именно в этих
двух направлениях — был незаурядным, своеобразным
поэтом и известным ученым — геологом, географом, од-
ним из основателей отечественной метеоритики. Ну и,
конечно же, завзятым книголюбом.

Книжный знак Петра Людовиковича выполнен в
1933 году талантливым, но, к сожалению, рано умер-
шим омским художником Евгением Крутиковым. Экслиб-
рис представляет собой линогравюру размером 75×60 мм.
Тираж невелик, и поэтому коллекционеры считают его
теперь немалой редкостью.

Второй знак выполнен в 1973 году по заказу извест-
ного не только в Сибири, но и в стране коллекционера
и знатока книжного знака красноярца (ныне, к сожа-
лению, уже покойного) Виктора Александровича Аверихи-
на. Автор — минский художник Е. Тиханович, техника
исполнения — офорт. Экслибрис этот — еще одно свиде-
тельство того, каким уважением до сих пор пользуется
Петр Драверт, как жива память о нем. Ведь по сути де-
ла — это своеобразный графический памятник ему. На
уже знакомом нам фоне (т. е. собственно дравертов-

ском экслибрисе работы Крутикова) изображен портрет Петра Людовиковича, и лишь небольшая надпись, скромно разместившаяся в верхнем левом углу, сообщает нам, что принадлежит экслибрис В. А. Аверихину.

Так, спустя сорок лет, старый экслибрис Драверта как бы родился вторично.

В честь дружбы

Другой книжный знак — другой рассказ.

Омичи дружили с Пештской областью Венгрии. Приезжали делегации, происходили встречи, выставки... И есть среди многих свидетельств этих дружеских отношений экслибрис — небольшая изящная гравюра на линолеуме, выполненная с немалым вкусом и изобретательностью. История ее такова.

В 1975 году в Пештской области работала выставка омских ху-

дожников. Многие тысячи людей побывали тогда на ней. В ответ венгры привезли на следующий год выставку своих художников в Омск.

Благодаря этим выставкам встретились и подружились два человека — венгерский скульптор Петер Рожа и омский график Иван Желиостов. Иван Иванович, большой энтузиаст экслибриса, в том же 1976 году исполнил и подарил своему новому товарищу и коллеге книжный знак. В нем использован фрагмент скульптуры художника из Венгрии «Мир», которая экспонировалась на той памятной омской выставке.

Борис Кони́ков

ЗАГАДКА КИПСКОГО КОВША

В глухой таежной деревушке Кипы Тевризского района омские археологи обнаружили древнее кладбище — могильник. Располагалось оно на высоком берегу Иртыша, с него открывалась захватывающая панорама — голубая лента реки и темно-зеленая полоса леса — тайги. Все это учитывали те, кто хоронил здесь далеких предков. Ведь жизнь, согласно воззрениям древних, не прекращалась с физической смертью людей. Не случайно рядом с усопшими клали вещи, посуду, пищу. Разбросанные вдоль берега земляные холмы курганов были домами для «потусторонней жизни». Однако люди, увы, обращались с ними бесцеремонно. Их нещадно грабили и рыли. Бедствием для курганов в Сибири явились... русские первопроходцы. Без их внимания не оставался ни один сколько-нибудь приметный «бугор», как именовали курганы сибирские крестьяне